

> ПАМЯТЬ

Блины на солидоле

БОТВА БРЮКВЫ – 190 г, мука – 3 г, лук – 5 г, соль – 5 г, специи – 5 г, жиры – 0, 03 г. Этот рецепт опубликован в книге «Использование в пищу ботвы огородных растений и заготовка ее впрок». Издана она была в голодном Ленинграде. Стоила – 1 рубль.

Когда книга подписывалась в печать, блокадный город доедал хлеб, посеянный до войны. Весной 1942 года ушли на фронт пахари, и падали они на землю, вспаханную не плугами – снарядами.

Трудно и тяжело жил Ленинград. Блокадник А. Матисов вспомнил: «Мы уже не обращали внимания на обстрел, бомбежку. Страшнее – голод и холод. Нам на заводе решили выдать из запасов вспомогательных материалов сыромятные ремешки, которыми шивали большие, широкие ремни воздушных компрессоров. Мы научились использовать их в пищу: ремешки резали на кусочки длиной по одному сантиметру, затем опускали в воду и кипятили, пока не заканчивалось выделение на поверхности темной пленки – масляной пропитки. Затем ее сливали из кастрюли. Естественный светлый жирок из ремешков выходил в воду, а вынутые из кипятка разбухшие кусочки пропускались через мясорубку. Опять продолжалось кипячение. Полученная смесь остужалась, ее выносили на холод. Получался «студень», служивший дополнительным питанием...»

Относительно сытнее прифронтового Ленинграда жила Магнитка, ковавшая в тылу Победу. Здесь государственные и партийные органы пытались решить проблему за счет развития сети общественного питания. В первую очередь это касалось рабочих комбината. По нормам декабря 1941 года на одного рабочего ММК в день приходилось граммов крупы – 24, макаронных изделий – 8, мяса и мясoproдуктов – 23, рыбы – 10, сахара – 5. Тому, кто хорошо работал, как рассказывают старожилы, раз в месяц давали талон на усиленное дополнительное питание (УДП). В шутку его называли «умрешь днем позже».

В ноябре–декабре магнитогорцы могли отовариваться в магазинах и ларьках по карточкам. Здесь рабочие могли в месяц приобрести: мяса – 1800 г, жиров – 400 г, круп – 1200, детям до 12 лет соответственно полагалось – 400, 300 и 800 граммов.

Хлеб – единственный продукт, который выдавался полностью и в срок, но его получение по карточкам в магазине требовало времени и терпения. Ветеран труда Г. Чуркина говорит: «Приходили в магазин рано утром, ждали, когда привезут хлеб. А его доставляли иногда с двухчасовым опозданием. Все ждали... Женщины садились на пол, что-то вязали, а мы, ребята, играли на улице. Как только подошла машина с хлебом, неслись в очередь. Пока несешь его домой, нохоешь: какие он издавал запахи! Хотелось отомстить хоть крошечку, но никто этого не делал: дома все делили по кусочку».

Вторым по степени важности продуктом, конечно, был картофель. Государственные органы выделяли участки для посадки картофеля всем желающим через предприятия и организации. Кто имел приусадебный участок, выращивали морковь, капусту, помидоры, брюкву.

Самое распространенное и сытное блюдо военного времени – затриуха. Рецепт прост: в чашке растрепали муку, опустили ее в кипящую воду, где варилась картошка.

Ели и супы из крапивы, лебеды с картофелем, лепешки из той же мерзлой картошки. Из-за нехватки муки хозяйки пекли картофельные пироги, используя капустные листья вместо теста.

Большим лакомством считались оладьи. Теперь уже не верится, что при жарке оладий и блинов использовали солидол. А иногда его даже мазали на хлеб.

Школьники часто привлекались на уборку урожая в колхозы и совхозы. Ветеран труда Н. Кириллова вспоминает, как их, учащихся, отправляли собирать прошлогодний проросший ячмень, годный на корм скоту. «Работали самостоятельно, без взрослых, несколько дней. Вывозили нас в поле, оставляли муку, топор, котел и коробок спичек. Воду для приготовления еды брали из луж, процеживали через тряпку, затирали немного муки, добавляли собранную ксиллянку. На костре пекли ячмень, но потом маялись расстройством желудка». Война и спартанские условия заставляли детей взрослеть рано.

Возможности городских властей организовывать питание школьников росли год от года: от кусочка хлеба весом пятьдесят граммов и ложечки сахара перешли к горячим завтракам в конце войны. Е. Широкая рассказывала: «Для выпускников города организовали вечер в ресторане «Атач». Посадили за столы, где стояли тарелки, наполненные доверху белым хлебом, салатом, о вкусе которого мы уже забыли. Нас поразили тарелки с рисом и двумя мясными котлетками. Когда какой-то мужчина завершил речь, мы схватили ложки и моментально расправились с рисовой кашей и котлетками. Официанты принесли тарелки с картофелем и мясом, которые также все быстро исчезли».

Заиграл оркестр, пригласили на танцы. Мы снова вернулись за стол, где нас ожидала тушенная капуста, компот и чай с булочками».

Как свидетельствует отчет горно за 1944–1945 учебный год, «питание учащихся в семье улучшалось не только благодаря аккуратному отовариванию продовольственных карточек, но главным образом за счет продукции с индивидуальных огородов и посево». Однако питание детей по-прежнему зависело от доходов семьи...

ВАЛЕРИЙ ЕФИМОВ,

креевед,
Автор благодарит Е. Лешицкого
за помощь при подготовке материала

«Из-под каких развалин говорю...»

> Эти письма заставляют сопереживать с автором и восхищаться чистотой ее души

ЧАСТНЫЕ ПИСЬМА – вещь особенная. Бывает, что жизненные коллизии их автора как бы проходят стороной и внимание сосредоточивается на фактах исторического характера или других обезличивающих моментах.

Но бывает и по-другому. Первоначальный спешный темп прочтения рушился со второй строки при моем знакомстве с книгами писем Веры Федоровны Берсеневой. Во-первых, очаровывает безупречный стиль, культура письма, во-вторых, подкупает предельная открытость и искренность, в-третьих, в письмах очень сильна сердечная, духовная составляющая... Такие письма завораживают, как талантливые произведения искусства, заставляющие вглядываться, вдумываться, сопереживать и восхищаться.

Книги писем В. Берсеневой изданы в Череповце ее сыном О. Краузе. В Магнитку пришли недавно, их презентовала в краеведческом музее краевед и журналист Ирина Андреева, которая редактировала одну из них под названием «Пришла война в Березки». Для нас она интересна тем, что с 1931 по 1942 годы Вера Федоровна, переводчица научно-технической библиотеки ММК, с мужем, детским врачом Фридрихом Оскаровичем Краузе и тремя детьми жила в Магнитогорске. Этот временной период нашим историками, казалось бы, достаточно изучен. Но новый взгляд всегда ценен, особенно таких людей, как наша героиня.

Вера Берсенева – дворянка по происхождению, блестяще образованная женщина, в высшей степени порядочная, являющая собой пример благоговения и христианского добродетельства. Родилась Вера в Петербурге, получила хорошее образование, в том числе во Франции и Швейцарии. Юность и первое замужество выпали на годы первой мировой войны и революции. Чтобы понять, что представляет из себя эта девушка по своим взглядам, процитируем ее письмо, написанное подруге в 1916 году:

«Видишь ли, в чем дело. Я считаю, что России необходима победа. Я не могу изменить этого своего взгляда из-за того, что для этой победы надо пожертвовать и моим мужем, и другими... Иногда у меня кружится голова от ужаса: ведь я всем этим готовлю ему, моему счастью, моей любви верную гибель. Что же делать, что же делать, иначе – нельзя, иначе ведь мы не будем уважать себя, потому что, значит, наши убеждения не стоят ломаного гроша... Когда Германа назначат в батальон, – я поеду с ним».

Вера Берсенева глубоко любила свою Родину, осталась здесь после революции и готова была послужить ей. Но на деле вынуждена была выжить и, как многие из ее сословия, закончила жизнь в лагере.

Но вернемся в ее юность. По письмам мы можем предположить, кто был тогда в числе ее окружения. Анну Ахматову она называет «нашей старой знакомой», а об Андрее Белом говорит: «другой наш знакомец». Известно также, что в 1919 году акварельный портрет Веры написала 18-летняя Екатерина Зернова, в будущем известный художник. Этот портрет помещен на обложку первого тома двухтомника писем под названием «Вера Федоровна». В 1936 году Зернова приезжала в Магнитогорск и сделала серию работ о строительстве комбината. Вера Федоровна в то время жила здесь, на Березках, но встретиться им не удалось.

Много интересного, что называется «непротокольного», о Магнитке можно прочитать в ее письмах. Хотя, надо полагать, писала она с осторожностью.

Письма прочитывались «кем положено», кое-где есть пометки «вымарано цензурой». Но в искренности автора у меня, как читателя, сомнений нет. Вот что пишет она подруге в 1931 году о размахе строительства:

«На десятки квадратных километров люди перерыли всю землю... За хребтами и буграми – ямы, в каждой из которых можно оставить по несколько домов и засыпать их там вместе с крышами... И среди беспорядка, подобный которому был, вероятно, лишь в дни сотворения мира, маленькие комочки копошатся и строят прямо в небо башни, трубы, мосты, лестницы и здания невиданных форм, и непостижимо, как это могли они перевернуть столько земли и нагромождать все эти башни и трубы, которые грозят подпереть самое небо и пустить дым в лицо самому Господу Богу!»

Как образно! Воистину литературный талант! Цитирую дальше:

«Работают все как бешеные. Даже американцы удивляются. А немцы так раззадорились и сами образовали ударную бригаду. У них оказалось нечто оригинальное – они явились в щех и первым делом перемыли все окна, а потом стали работать».

А вот мнение об иностранцах, очень непривычное для нас: «Березки – это их поселок. Здесь живут почти все иностранцы Магнитогорска. Наша гостиница ими полна. И я должна сказать, что они мне не нравятся совсем. Ведут себя безобразно. От пресловутой «культуры» что-то ничего не выдать: пьят и дебоширят не хуже нашей самой худшей «мастеровщины», топчут, кричат в коридорах и даже воруют. Воображаю, что же делают, что же делают, иначе – нельзя, иначе ведь мы не будем уважать себя, потому что, значит, наши убеждения не стоят ломаного гроша... Когда Германа назначат в батальон, – я поеду с ним».

Вера Берсенева глубоко любила свою Родину, осталась здесь после революции и готова была послужить ей. Но на деле вынуждена была выжить и, как многие из ее сословия, закончила жизнь в лагере.

Много интересного, что называется «непротокольного», о Магнитке можно прочитать в ее письмах. Хотя, надо полагать, писала она с осторожностью.

Уже в тридцатые годы в нашем драмтеатре была вращающаяся сцена

культурного обслуживания населения. Как человек культурный и жаждущий духовной пищи, она с радостью пишет подруге, что в Магнитогорске открыт театр с вращающейся сценой – речь идет о левобережном театре имени А. Пушкина. Это позволило проводить гастроли столичных театров. «Лето, – пишет она, – мы посмотрели ряд новых пьес, осенью ряд балетов. Теперь будем смотреть оперетки. Причем – большое удобство: платить за билеты не нужно. Мы состоим в списке тех нескольких человек, которые имеют право приходить в театр в любое время, просто садиться и смотреть». В 1935 году она описывает свои походы на спектакли Московского театра революции: «Я тороплюсь посмотреть все его спектакли. Пока видела шесть постановок. Некоторые по два раза. Игруют они очень хорошо». А в 1936 году приезжал театр имени Станиславского, и, по словам Веры Федоровны, труппа восхищалась нашим зданием театра.

В те годы в Магнитогорске работал театр юного зрителя, который располагался в клубе «Горняк» рядом с «Березками». Вера Федоровна часто водила туда детей.

Пишет своим друзьям она и о ТРАМЕ – театре юного зрителя, который продолжал работать в старом здании театра. Руководил им тогда режиссер Московского Малого театра Никольский. Последний спектакль, который смотрела Вера Федоровна в ТРАМЕ, «Коварство и любовь» Шиллера. Вот что она писала по этому поводу: «...ударницы Магнитки, широколицые уральские девушки плачут над страданиями Фердинанда и Луизы. Каков старик Шиллер и каковы ударницы Магнитки!».

Письма сыну, сотворившему в отдельную книжку «Пришла война в Березки», – особое явление с мощным эмоциональным зарядом. Они адресованы старшему сыну от прежнего брака Руфу Хлодовскому, который в то время учился в Московском институте философии, литературы и искусства. Проблема со здоровьем сына, приближающая немцев к Москве, вероятность призыва на фронт – все это волнует Веру Федоровну до боли в сердце. Об этом она так писала Руфу: «О моем волнении – что же говорить? Всякая мать волнуется. Это тоже часть ее материнской жизни. И не имей я вас, моих детей, не было

бы у меня волнений, но была бы это не жизнь, а смерть».

Что она может сделать для сына в то время, чтобы сохранить ему здоровье и жизнь? Ни-че-го! И это придает ситуации обреченность и трагизм. Теперь ее материнская мудрость подсказывает, может быть, самые главные слова для сына: «...одно у меня желание, чтобы все хорошо, что ты получишь в детстве, дало тебе силу и крепость перенести все испытания». Эти слова звучат как заклинание, как материнский оберег.

В марте 1942 года Вера Федоровна приняла на себя еще один удар – арестовали главу семейства Фридриха Оскаровича Краузе. В одном из писем сыну она пишет: «Людам кругом меня я не доверяю. Никакой помощи они мне не окажут. Ты представляешь, в какой смертельной тоске я живу? Меня все время обороняют, пользуясь тем, что моя больная голова не в состоянии следить за окружающим и помнить обо всем. Надо как-то держаться, а как я поддерживаю, не знаю». И все-таки, есть во мне что-то, что меня поддерживает и утешает. Знаешь, вдруг сойдешь с крыльца и увидишь прозрачную красную полосу зари на горизонте и темные очертания кустов на ее фоне, а в лицо пахнет запахом вечерней степи, и чувствуешь, что «мир прекрасен, как всегда». Пусть я стара, больна и глубоко несчастна, но все-таки мне дано видеть в иные минуты красоту, которая меня утешает...»

Последней каплей в этой истории стал арест самой Веры Федоровны. Она была осуждена на десять лет за антисоветскую агитацию. Умерла в лагере в 1950 году после восьми лет заключения. Детей взяла к себе ее сестра.

Вот такая судьба. Вера Федоровна, как и ее муж, оказалась жертвами обстоятельств. Невостремленными оказались ее знания, культура, просвещенность. Разве что дети вопитали все это детства. Руф стал ученым-филологом, Елена – конструктор, работник министерства, Оскар – врач.

Судьба Веры Берсеневой – одна из многих дворянских судеб, соприкоснувшихся с Магниткой. Мы намерены расширить тему «Судьбы представителей дворянского сословия и Магнитки». Я обращаюсь к их потомкам, проживающим здесь: если вам есть что рассказать, если сохранился семейный архив, приглашаем вас в краеведческий музей ☺

ТАТЬЯНА ФАТИНА,
старший научный сотрудник
городского краеведческого музея

Наш паровоз вперед летел

> Воспоминания ветерана труда Павла Пьянковского

С ЧУВСТВОМ особой признательности вспоминаю воспоминания моего дяди Павла Николаевича Пьянковского.

Во время Великой Отечественной войны он был машинистом паровоза ЭУ 684-58. Потом его установили как памятник на Привокзальной площади.

Наша семья приехала на строительство Магнитогорского металлургического комбината с Украины, в 1930 году в семье было семь человек: отец – Николай Иванович, мать – Агряпина Тимофеевна и пятеро детей. Мы обосновались в районе железнодорожного узла. Там шло строительство товарной станции, горки, паровозного и вагонного депо, строили школу, больницу и другие социальные объекты.

Жили в палатках, в каждой по шесть-восемь семей, у каждой определенное место. Посредине проход, там стелили солому и ветки для ноч-

лега. Каждая семья готовила пищу на костре, тут же и обедали. Вечерами молодежь собиралась на поляне, привозили с собой балалайки, гармошки, устраивая вечеринки.

Ближе к осени приняли решение строить землянки. Строительным материалом были пласты земли. Материал для крыши, дверей, окон, кирпич для печей выделяли бесплатно. Днем родители работали, а вечером и в выходные строили землянки. В них жили до 1940 года.

Я пошел в 1-й класс в 1932 году. К этому времени построили новую школу, которую называли железнодорожной № 41. Я помню первую учительницу Марию Сергеевну, которая учила нас четыре года. Детей было много, классы по 35–40 человек. В подростковом возрасте все ребята увлеклись чтением художественной литературы. Особенно популярными были произведения Жюль Верна «20000 лье под водой», Майн Рида «Всад-

ник без головы». Я читал вечерами дома. К нам приходили взрослые, с интересом слушали, хвалили меня, я был доволен.

В 1940 году рядом с нашей школой выстроили железнодорожное училище № 3. Оно было построено по решению правительства «О трудовых резервах». В нем были четыре группы: две готовили помощников машинистов, одна – слесарей по ремонту паровозов, вторая – по ремонту вагонов. Я с товарищами пошел учиться на помощника машиниста.

В училище преподавали лучшие производственники и учителя средних школ. Оно было на полном государственном обеспечении: трехразовое питание, форма, общежитие. С утра до обеда преподавали теорию, а после – практика в производственных мастерских, где мы осваивали слесарное дело – мастерили ключи, плоскогубцы... Большое внимание уделялось спорту. Занятия с нами

проводил демобилизованный из армии лейтенант Мясников. В начале зимы 1940 года была организована группа лыжников, которая в декабре сделала лыжный переход Магнитогорск–Челябинск. Мы соревновались с Челябинским железнодорожным училищем. Весной 1941года наши спортсмены стали заниматься футболом. Команда играла на первенстве города.

22 июня 1941года играли в футбол на стадионе «Строитель». Мы приехали к двенадцати часам. Сыграли первый тайм, пошли на перерыв и узнали о начале войны. На другой день в училище прошел митинг, где выступали директор и преподаватели. Говорили о вероломном нападении Германии на СССР. Началась мобилизация. Многие учащиеся и преподаватели шли на фронт добровольцами. Работа в училище была перестроена. Учащиеся досрочно отправлены на производство. В первые дни

военкоматы мобилизовали всех, брони не было. На производстве не хватало рабочих. Позже вышел приказ Сталина о брони. Я работал несколько месяцев кочегаром, потом помощником машиниста, последние два года – машинистом паровоза. Трудился в очень сложных условиях, особенно в 1942–43 годах. Тяжело было с питанием: ели суп с крапивой, хлеба не доставало. Не хватало сменщиков машинистов. Зачастую, когда возвращались из поездики, понимали, что сменить нас некому, и вновь отправлялись в путь. Магнитогорский металл шел на заводы в другие города, из него делали оружие, танки.

Наш паровоз № 684-58 – комсомольско-молодежный. Старший машинист Иван Чебоксаров награжден во время войны орденом Трудового Красного Знамени.

После войны я окончил среднюю школу рабочей молодежи. По рекомендации родственников

поступил в Троицкий ветеринарный институт. По окончании работал преподавателем в зоотехникуме. В 1962 году поступил в аспирантуру к профессору П. Кормшикову. После защиты диссертации получил ученую степень кандидата сельскохозяйственных наук. Вначале работал ассистентом, затем старшим преподавателем, доцентом и заведующим кафедрой кормления животных. За годы работы в институте награжден орденом «Знак Почета», медалями «За доблестный труд в годы ВОВ 1941–1945гг.», «К 100-летию рождения В. И. Ленина», «Заслуженный зоотехник России», юбилейными медалями. В 2002 ушел на заслуженный отдых.

Сегодня Павел Николаевич живет в семье внука, активно участвует в ветеранской работе, выступает с воспоминаниями перед студентами и учащимися школ ☺

АНТОНИНА ШАШКОВА,
племянница Павла Пьянковского

> Судьба Веры Берсеневой типична для дворянского сословия Магнитки